

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-104-112

Гегелевский Гаман: попытка реконструкции

А. М. Стрельцов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье анализируется оценка работ И. Г. Гамана Г. В. Ф. Гегелем, главным образом на примере разбора им дебютного сочинения Гамана «Сократические достопримечательности». Показано, что наряду с пронизательным анализом и выделением магистральных для мысли Гамана направлений Гегель рассматривает его учение через призму собственной философской системы, что оказывает значительное влияние на его интерпретацию отдельных положений Гамана. Реконструкция мысли Гамана в очерке сводится к трактовке его в первую очередь как звена диалектического развития немецкого духа.

Ключевые слова

Гегель, Гаман, Просвещение, дух, Сократ, Сократические достопримечательности

Для цитирования

Стрельцов А. М. Гегелевский Гаман: попытка реконструкции // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 3. С. 104–112. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-104-112

Hegelian Hamann: Attempt at Reconstruction

A. M. Streltsov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The present article deals with G. W. F. Hegel's review of J. G. Hamann's works, using «Socratic memorabilia», Hamann's debut piece, as a case in point. It is demonstrated that along with penetrating analysis and delineation of the main trends of Hamann's thought Hegel views his teaching through the lens of his own philosophical system. This factor significantly affects his interpretation of select theses of Hamann. Reconstruction of Hamannian thought in Hegel's review presupposes his treatment first and foremost as that of a chain in dialectical development of the German spirit.

© А. М. Стрельцов, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 3

Keywords

Hegel, Hamann, Enlightenment, spirit, Socrates, Socratic Memorabilia

*For citation*Streltsov A. M. Hegelian Hamann: Attempt at Reconstruction. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 104–112. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-104-112

На фоне многочисленных сочинений Г. В. Ф. Гегеля его отзыв о литературном творчестве и жизненном пути кенигсбергского литератора 18-го века Иоганна Георга Гамана [Гегель, 1972; Hegel, 1986] привлекает внимание по нескольким причинам. Во-первых, это практически единственная рецензия такого рода: как правило, Гегель не снисходил до того, чтобы давать развёрнутые оценки трудов других мыслителей в отдельных сочинениях, предпочитая высказываться на такие темы скорее на полях собственных философских работ либо в письмах. Экстравагантная же личность Гамана привлекла его внимание настолько, что он счёл нужным написать отдельный отзыв. Во-вторых, примечателен сам факт того, что знаменитейший философ пост-кантианской эпохи высказывается о самом загадочном и непонятном мыслителе прошлого века¹. Какова его рефлексия? Удалось ли ему декомпозировать, реконструировать мысль Гамана удовлетворительным образом, расположив её в надлежащем контексте? Так или иначе, эта попытка была столь значительна, что данный очерк, – и это третья причина важности возвращения к нему – несомненно, надлежит положить в основание гамановедения как такового. В некотором смысле Гегель выделил ключевые линии мысли Гамана, определил векторы, заложил программу его интерпретации на годы вперёд. В этой компактной работе, которую Гегель написал уже в зрелом, Берлинском периоде своего творчества и всего за три года до собственной смерти, он проявляет себя не только как историк философии, но и как философ, не ограничиваясь описанием жизни Гамана и его трудов, но объясняя их в свете собственной системы.

Имеется ряд свидетельств продолжающего интереса Гегеля к творчеству Гамана. Примечательно, что во время единственной встречи Гегеля с И. В. фон Гёте, которая произошла 18 октября 1827 г., когда Гегель навестил знаменитого писателя в Веймаре, большую часть времени собеседники уделили обсуждению Гамана. «Много говорили о Гамане», пишет биограф Гёте Эккерман, «больше других, пожалуй, Гегель, высказывавший об этом выдающемся человеке глубоко-

¹ На русском языке наиболее полный разбор жизни и творчества Гамана представлен в работах крупнейшего отечественного специалиста В. Х. Гильманова (см., частности, [Гильманов, 2003; 2006]).

кие мысли, несомненно, явившиеся следствием вдумчивого и добросовестного изучения его литературной деятельности» [Эккерман, 1986. С. 547].

Уже на первых страницах гегелевского очерка читателю трудно не заметить прорывающегося наружу нетерпения, с которым его автор ожидал выхода в свет первого собрания сочинений Гамана, а затем и обещанного дополнительного, восьмого тома с примечаниями и разъяснениями туманных мест, которых у него было во множестве [Гегель, 1972. С. 578]. Впрочем, этого восьмого тома до написания рецензии Гегель так не дождался, к тому же ему стало понятно, что отдельными примечаниями проблему интерпретации Гамана не разрешить.

Надо сказать, что работы Гамана получили в трактате Гегеля неравномерную оценку. Больше всего внимания уделено дебютной работе Гамана «Сократические достопримечательности» 1959 года (далее – СД), в также во многом программном для него труде «Голгофа и Шеблимини» 1784 г., написанном уже в конце его писательской карьеры. О метакритике Гамана в отношении мысли Канта сказано совсем не так много, как могло бы быть. Остальные труды кратко упомянуты или проигнорированы. Целые пласты проблем, крайне важные для самого Гамана, такие как его концепция языка, обойдены вниманием [Anderson, 2008. Р. XV]. Например, большинство сочинений, вошедших в сборник «Крестовые походы филолога», Гегель называет «весьма незначительными» [1972. С. 611].

Значит ли это, что Гегель не читал или просто пробежал глазами труды Гамана среднего периода, решив сконцентрироваться в основном на двух произведениях? Или же это связано с тем, что именно в этих произведениях Гегелю было проще выделить философскую и методологическую основу гамановской мысли, отделив её от многочисленных аллюзий на личности и события древности и современности, которые с трудом поддавались структурной оценке? Второе нам представляется более вероятным, учитывая высокий уровень интереса Гегеля к Гаману в целом.

При всей ясности манеры письма Гегеля читателю не так-то просто разобраться, комплементарен ли его очерк в отношении Гамана или же критичен. Понятно, что и то, и другое присутствует в рецензии, но в каком отношении? На первый взгляд позиция Гегеля противоречива или по крайней мере амбивалентна: труды Гамана достойны внимания и в то же время неудобоваримы [Там же. С. 611]. Критические ремарки Гегеля в отношении произведений Гамана рассеяны практически по всему очерку. Его упреки включают недостаток философичности [С. 641], отсутствие стремления к научности [С. 622], партикуляризм [С. 612], отсутствие смысла за исключением отдельных мест [С. 615], отказ (в отличие от Канта) от мыслящего разума [С. 582].

В статьях Гамана Гегель усматривает признаки «язвительной насмешки и обиды» [Там же. С. 604]. Гегелю трудно остаться беспристрастным комментатором, он то и дело сбивается на оценочные суждения. Если Гердер и Якоби, как он говорит, превозносили Гамана как посвящённого в мистерии божественного посланника [С. 579], то Гегель ставит перед собой решительную задачу развеять, наконец, окружающий Гамана туман. При этом сам Гегель весьма неравнодушен как к личности Гамана, так и к его текстам, что он тщетно пытается скрыть за некоторым высокомерием именитого профессора и философа, обсуждающего гораздо менее успешного предшественника. В памяти всплывает классическая фраза из «Обыкновенного чуда» Е. Шварца: «Три дня я гналась за Вами, чтобы сказать, как Вы мне безразличны!».

Обратимся к попытке реконструкции Гегелем философии Гамана, уделив основное внимание его оценке СД как в некотором роде программной работы кенигсбергского литератора, прообразующей его последующую творческую деятельность.

Прежде всего стоит признать удачной оценку Гегелем специфики немецкой философии во второй половине 18 века, в частности, противопоставление им Берлина как центра германского Просвещения провинциальным философским движениям востока и запада [Там же. С. 580–581]. Среди плеяды этих альтернативных философов именно Гамана Гегель признаёт наиболее оригинальным [Там же. С. 581], с чем, впрочем, категорически не согласен ведущий германский гамановед О. Байер, указывающий на многочисленные цитаты и цитонны в гамановских трудах как сознательный его отказ от претензии на оригинальность [Bayer, 1988, S. 44].

Также следует признать удачным, что Гегель уделяет особое внимание автобиографичному жизнеописанию Гамана и именно в этом усматривает основание его творчества. Основным содержанием произведений Гамана Гегель признаёт направленное против Просвещения христианство [Гегель, 1972. С. 614; ср. Там же. С. 594], что в некотором смысле даёт любопытные пересечения с философией самого Гегеля, если вспомнить вердикт, высказанный ещё Р. Гаймом: «Богословие было колыбель гегелевской философии; пределы первого вначале составляли пределы философствования Гегеля, а богословский материал – материал гегелевского философствования» [Гайм, 2006. С. 327].

Осталось понять, что понимает Гегель под этим гамановским христианством. В практическом смысле это собственная духовная жизнь Гамана, и в первую очередь опыт Лондонского обращения весны 1758 года, предшествующий его публичной литературной деятельности. Гегель совершенно справедливо полагает, что автобиографические детали проясняют последующую эволюцию взглядов

Гамана. При этом в позитивном ключе Гегель упоминает об учении о Троице как объективной основе душевного искупления Гамана [Гегель, 1972. С. 607], что вполне согласуется с методологическими основаниями гегелевского мышления.

В связи с этим Гегель обсуждает трансформацию термина «ортодоксия»: если в XVIII в. ортодоксии противопоставляли гетеродоксию как мысль Просвещения, то в современную Гегелю эпоху под ортодоксией стала уже пониматься свойственная практически всем сторонам дискурса рационалистическая и экзегетическая теология, а также теология чувства [Там же.]. Под этим Гегель, хотя он и не говорит это прямо, подразумевает, судя по всему, сращивание крепнущей прусской гегемонии с идеями Просвещения в их менее радикальном варианте наряду с ростом государственного контроля над протестантской церковной средой в рамках Прусской унии 1817 года. При этом Гегель делает важное уточнение, противопоставляя ортодоксии как мёртвой букве или формуле совершенно особую ортодоксию Гамана, которая характеризуется «концентрированной жизненностью» [Там же. С. 608] или «концентрированной интенсивностью» [Там же. С. 610].

Проницателен Гегель и в том, как он выделяет центральный для Гамана принцип совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*), который тот возводил к Джордано Бруно, видимо, не зная о его истоках в мысли Николая Кузанского [Там же. С. 620–621].

Следующим важным рассуждением Гегеля, вскрывающим глубинные основания мысли Гамана, надлежит признать его заключение о месте стиля в литературной деятельности Гамана. В то время как в случае большинства философов особенности их стиля не оказывают значительного воздействия на понимание их работ, в трудах Гамана его стиль служит ключом к его творчеству, что Гегель подметил с некоторым, пожалуй, раздражением, сказав, что «у сочинений Гамана не только своеобразный стиль, но они сами и есть стиль»².

Действительно, для стиля Гамана характерны многочисленные отсылки к древним и современным авторам, нередко с использованием антономасии, центоны, немислимые сочетания противоположностей. Всё это создаёт впечатление карусели или калейдоскопа, картинки в котором меняются каждую секунду. Тем не менее, за этим стоит вполне чёткая концепция, которая вовлекает Гамана как автора в пространство его собственного текста. Возмущение Гегеля вызывает именно тот факт, что стиль Гамана едва ли можно отделить от него самого. Гегель предпочёл бы обсуждать только содержание мысли Гамана вне

² «Hamanns Schriften haben nicht sowohl einen eigentümlichen Stil, als daß sie durch und durch Stil sind» [Hegel, 1986. S. 281]. Выбранная в русском переводе конструкция («его сочинения насквозь проникнуты этим стилем») явно не до конца выражает силу оригинала [Гегель, 1972. С. 582].

аспекта его личности, но сам характер творчества Гамана не позволяет ему это сделать. Это даже приводит к своеобразному казусу: сочинение, анонсированное как очерк о работах Гамана, уделяет непропорционально большое внимание особенностям его биографии.

При обсуждении СД Гегель достаточно точно ухватил психологию взаимоотношений Гамана с его друзьями и корреспондентами, указывая на то, что Гаман пытался привести их к самопознанию, но, не сумев добиться этого в переписке, обратился к литературным произведениям, а именно к написанию СД [Гегель, 1972. С. 594, 597, 599]. В этом смысле метасхематический подход Гамана как способ преподнести собственное мировоззрение «окольными путями» на первый взгляд представлен Гегелем вполне верно: «Выразительная демонстрация позиции, которую он хочет занять: вести себя, как Сократ, который был несведущ и выставлял свое незнание напоказ, чтобы привлечь сограждан и вести их и к самопознанию и к познанию глубоко сокрытой истины» [Там же. С. 600].

Тем большее удивление вызывает последующее суждение Гегеля о том, что Гаман не различает себя и Сократа: «Можно заметить, как и с точки зрения стиля Гаман смешивает Сократа и себя самого; завершающие черты этой зарисовки подходят именно к нему гораздо более, чем к Сократу» [Там же. С. 601]. То же самое относится и к претензии Гегеля на то, что Гаман не дал себе труда ознакомиться с описаниями Платона и Ксенофонта. Мы не можем не согласиться с С. Джаметта: разве можно упрекать Гамана, подражавшего Сократу в том, что он знал слишком мало при написании этого труда? [Giametta, 2005. P. 50].

Гегель обвиняет Гамана в круговом мышлении и терминологической нечёткости в отношении понятия веры, именно, что он выводит положения о вере из самой веры, расширяя их и затем обосновывая достоверность любых эмпирических данных верой же [Гегель, 1972. С. 602]. Надо полагать, Гегель возражает здесь против того, как Гаман превращает универсальное понятие веры (belief) Д. Юма в своём варианте в отчётливо религиозную веру (Glaube), перенося далее своё христианизированное понимание на вопрос об удостоверении всего сущего. Тем не менее, в терминах самого Гамана здесь нет противоречия, он, напротив, удивляется, как может Юм, говоря, что всё требует веры в любом случае, отказывать христианской вере в праве на существование?

Показательна реакция Гегеля на неоднозначный приём дебютной работы Гамана читателями. Он полагает, что критика, обращённая против СД, была вызвана «половинчатым и плохо продуманным расчётом на публику» Гамана [Там же. С. 611]. В другом месте Гегель также упрекает Гамана за «враждебное настроение... в отношении той публики, для которой он пишет» [Там же. С. 623], при том что сам Гаман вполне определённо показывает своё крайне негативное

отношение к идолу публики в начале «Сократических достопримечательностей» [Стрельцов, 2018. С. 113–114]. Данные замечания Гегеля игнорируют то, что сам Гаман совершенно не надеялся на успех у публики, что видно как из предисловия, так и из эпилога его трактата. Гегелю и Гаману действительно свойственно совершенно разное отношение к публике: Гаман эпатирует публику, сознательно противопоставляя такое отношение стараниям просвещенцев снискать у неё успех, а Гегель пытается ей услужить и предоставить рациональные объяснения. Согласно Гегелю, Гаман вовлекает свою «случайную личность» в процесс постулирования своего превосходства над мирскими обязанностями [Гегель, 1972. С. 594]. Для самого Гегеля такие мирские – в его случае профессорские обязанности – занимали приоритетное место; Гаман же в начале литературной деятельности объявил, что будет питаться «от крох и милостыни» [Гильманов, 2003. С. 447], а философией будет заниматься на досуге [Стрельцов, 2018. С. 112–113].

Это, в свою очередь, подводит нас ещё к одному различию между двумя мыслителями, а именно их отношению к политической власти. Гаман не испытывал никакого пиетета к прусской государственной машине, а Гегель был в зрелые годы сознательным лоялистом.

Любопытно, что в СД посредством проведения аналогии между своим сочинением и суждением Сократа о Гераклите Гаман представляет отдельные ясные фразы СД как острова, между которыми читателю нужно отправляться вплавь [Hamann, 1950. S. 61], но именно это не готов делать Гегель, который предлагает составить просто сборник таких изречений чтобы сделать Гамана более доступным для более широкой публики, что, очевидно, противоречит интенции самого Гамана.

В целом критика Гегеля оставляет неоднозначное впечатление: глубокий анализ деятельности Гамана соседствует у него с несколько наивным разочарованием по поводу того, что Гаман не реализует программу, которую сам Гегель поставил бы перед собой. Гегелевская интерпретация Гамана очевидным образом продиктована его собственной философской позицией. При этом если Гаман сразу заявляет в СД, что он эстетически подражает Сократу, и пишет при этом на вполне актуальные для него самого темы, не скрывая своей пристрастности, то Гегель претендует на беспристрастность, полагает себя стоящим над схваткой берлинского Просвещения и реакции на него «гениев» северо-востока Пруссии и рассматривает собственную систему как подлинный синтез и кульминацию развития немецкого духа. В этом смысле он признаёт Гамана не только имеющим важное значение «для переходной поры» [Кожевников, 1897. С. 160], но и своим несовершенным предшественником, который, к сожалению, не смог использовать собственный гений для выработки объективной формы философ-

ствования для радости и удовольствия современников и потомков. Гаман, судя по всему, остался для Гегеля главным образом оригинальной личностью, достойной восхищения [Гегель, 1972. С. 628], но не справившейся с тем, чтобы сделать себя понятным публике. Сам Гаман, называвший себя «сеятелем слова», видел свою задачу в установлении диалога с читателем, что в случае читателя Гегеля ему удалось выполнить только частично.

Список литературы / References

- Гайм Р.** Гегель и его время. Лекции о первоначальном возникновении, развитии, сущности и достоинстве философии Гегеля / Пер. с нем. П. Л. Соляников. СПб.: Наука, 2006. 292 с.
- Найм R.** Gegel i ego vremya. Leksii o pervonachal'nom vzniknovenii, razvitii, sushchnosti i dostoinstve filosofii Gegelya [Hegel und seine Zeit: Vorlesungen über Entstehung und Entwicklung, Wesen und Werth der Hegelschen Philosophie]. Transl. P. L. Solyanikov. St. Petersburg, Nauka, 2006, 292 p. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** О сочинениях Гамана // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 577–643.
- Hegel G. W. F.** O sochineniyakh Gamana [Hamanns Schriften]. In: Hegel G. W. F. Raboty raznykh let. In 2 vols. Moscow, Mysl', 1972, vol. 1, p. 577–643. (in Russ.)
- Гильманов В. Х.** Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. 569 с.
- Gilmanov V. H.** Hermenevtika «obraza» I. G. Gamana i Prosveschenie [Hermeneutic of the “typ” of J. G. Hamann and the Enlightenment]. Kaliningrad, Kaliningrad State Uni. Press, 2003. 569 p. (in Russ.)
- Гильманов В. Х.** Гаман и литература Просвещения (опыт универсальной герменевтики): Дис. ... д-ра филол. наук. Калининград 2006. 459 с.
- Gilvanov V. H.** Gaman i literatura Prosvescheniya (opyt universalnoi germe-nevtiki) [Hamann and the Literature of the Enlightenment (Essay on Universal Hermeneutics)]. Diss. for the Doctor of Philology Sci. Kaliningrad, 2006. 459 p. (in Russ.)
- Кожевников В. А.** Философия чувства и веры в её отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. М.: Тип. А. Лисснер и А. Гешель, 1897. Ч. 1. 757 с.
- Kozhevnikov V. A.** Filosofiya chuvstva i very v ee otnosheniyakh k literature i ratsionalizmu XVIII veka i k kriticheskoi filosofii [Philosophy of Feeling and Faith in its Relation to Literature and Rationalism of the 18th Century and to the

Critical Philosophy]. Moscow, A. Lissner and A. Geschel Publ., 1897, pt. 1, 757 p. (in Russ.)

Стрельцов А. М. Аксиологическая проблематика призвания философа в «Сократических достопримечательностях» И. Г. Гамана // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43 (3). С. 111–116.

Streltsov A. M. Aksiologicheskaya problematika prizvaniya filosofa v “Sokraticheskikh dostoprimechatel’nostyakh” [Axiological problems of the philosopher’s calling in Hamann’s “Socratic Memorabilia”]. *Vestnik Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2018, no. 43 (3), p. 111–116. (in Russ.)

Эккерман И. П. Разговоры с Гете. М.: Худож. лит., 1986. 669 с.

Eckermann J. P. Razgovory s Gete [Gespräche mit Goethe]. Moscow, Khudozh. lit., 1986, 669 p. (in Russ.)

Anderson L. M. (tr, intr.) Hegel on Hamann. Evanston, IL, Northwestern Uni. Press, 2008, 88 p.

Bayer O. Zeitgenosse im Widerspruch. J. G. Hamann als radikaler Aufklärer. München, Zürich, R. Piper GmbH & Co., 1988, 275 S.

Giametta S. Hamann nel giudizio di Hegel, Goethe, Croce. Napoli, Bibliopolis, 2005, 186 p.

Hamann J. G. Sokratische Denwürdigkeiten. In: Sämtliche Werke. 2. Bd. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien, Herder Verlag, 1950, S. 57–82.

Hegel G. W. F. Hamanns Schriften. In: Werke 11. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1986, S. 275–352.

Материал поступил в редколлегию (Received) – 11.03.2020

Статья принята к публикации (Accepted) – 11.09.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Стрельцов Алексей Михайлович

аспирант Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Alexey M. Streltsov

PhD candidate, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

streltsov@mail.ru